СКЕПТИЦИЗМЪ

ВЪ

РИМСКОЙ ИСТОРІИ.

В. МОДЕСТОВА.

Съ приложеніемъ двухъ отвѣтовъ профес. Н. Благовѣщенскому

КАЗАНЬ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ
1869.

Печатать дозволяется, цензурою 1868 года 28 ноября.

Печатая свою рѣчь, произнесенную на своемъ докторскомъ диспутѣ 17 ноября 1868 г. въ Казанскомъ Университетѣ, я счелъ нужнымъ приложить къ ней и два моихъ отвѣта г. Благовѣщенскому, изъ которыхъ одинъ долженъ на дняхъ появиться въ журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія (ноябрь 1868), а другой былъ посланъ въ редакцію „С. Петербургскихъ вѣдомостей“ и не напечатанъ ею. Помѣщенная въ Августовской книгѣ Ж. М. Н. П. рецензія г. Благовѣщенскаго на мое изслѣдованіе: „Римская письменность въ періодѣ царей“ представляетъ по своей недобросовѣстности, какъ увидитъ читатель изъ моихъ отвѣтовъ, небывалое въ нашей ученой литературѣ явленіе. Но обстоятельство, что самая наглая ложь, соединенная съ невѣжествомъ, рѣдкимъ въ ученомъ мірѣ, прошла незамѣченною въ нашей ученой литературѣ, представляетъ собой еще болѣе печальное явленіе, показывающее, до какой степени слабы у насъ интересы науки. Въ виду всего этого пусть проститъ мнѣ читатель ту смѣлость, съ какою я требую его вниманія къ дѣлу, глубоко меня поразившему и опечалившему.

СКЕПТИЦИЗМЪ ВЪ РИМСКОЙ ИСТОРІИ.

РѢЧЬ,

СКАЗАННАЯ ПЕРЕДЪ НАЧАЛОМЪ ДОКТОРСКАГО ДИСПУТА

В. Модестовымъ.

Милостивые государи,

Едва ли исторія какого-либо народа была предметомъ такого многосторонняго и внимательнаго изученія, какъ римская исторія. Но за то нигдѣ ученые не расходились до такой степени во взглядахъ и выводахъ, какъ въ римской исторіи. Огромная ученая литература послѣднихъ двухъ столѣтій представляетъ по истинѣ удивительное зрѣлище самыхъ необыкновенныхъ противорѣчій въ средѣ ученыхъ, занимавшихся изученіемъ древнѣйшихъ періодовъ римской исторіи. Въ первое время, слѣдовавшее за возрожденіемъ наукъ въ Европѣ, римскую исторію обыкновенно понимали такъ, какъ понимали ее сами Римляне. Руководителемъ при изученіи ея служилъ по преимуществу Карамзинъ римской историографіи, Т. Ливій. На него смотрѣли—

и не безъ основанія—какъ на самого вѣрнаго изобразителя судебъ римскаго народа. Представителемъ этого направленія въ 16-мъ столѣтіи служилъ геніальный мыслитель и политикъ, Макіавелли. Его «Разсужденія на первую декаду Т. Ливія», не входя ни въ какую полемику съ древними историками о достовѣрности историческихъ фактовъ древнѣйшей римской исторіи, представляютъ намъ политическую картину древняго Рима, въ высшей степени назидательную для всякаго политическаго мыслителя и начертанную на основаніи разсказовъ Т. Ливія. Это впрочемъ не есть связная и послѣдовательная исторія Рима, какихъ много въ наше время: это просто разсужденіе по поводу политическихъ учрежденій и событій, повѣствуемыхъ Т. Ливіемъ. Да и вообще 16-е столѣтіе не представляетъ намъ никакой связной исторіи древняго Рима. Ученые этого времени были заняты по преимуществу изданіемъ и толкованіемъ авторовъ. Правда, они много занимались и изученіемъ разныхъ сторонъ жизни и цивилизаціи древнихъ Римлянъ но труды ихъ по этой части были лишь отдѣльными трактатами по римской исторіи, древностямъ, топографіи и пр., подготовившими систематическое знаніе древняго Рима для послѣдующаго времени. Труды этихъ ученыхъ представляютъ намъ изумительную массу учености и необыкновенное изученіе древней литературы; но отъ критики достовѣрности извѣстій, сообщаемыхъ древними писателями, они были далеки. Семнадцатое столѣтіе представляетъ намъ въ главномъ продолженіе той же работы, хотя уже и съ меньшимъ успѣхомъ. Но за то въ это время начинаютъ появляться и систематическіе труды по римской исторіи и первые зачатки скептическаго направленія. Представителемъ этого послѣдняго является голландскій ученый Перизоній, которому древнѣйшая исторія Рима представлялась недостаточно обладающею источниками, чтобы быть вполнѣ достовѣрною. Я не упоминаю о Кловерѣ и Бошарѣ, которые раньше Перизонія доказывали несостоятельность преданій, относящихся ко времени, предшествовавшему построенію Рима, или касающихся самаго построенія города—потому, что и въ глазахъ самихъ древнихъ писателей эти преданія были не болѣе какъ преданія за достовѣрность которыхъ они не ручались. На-

стоящій скептицизмъ относительно древнѣйшей римской исторіи является уже въ тотъ скептическій вѣкъ, когда передовые мыслители измученной инквизиціей и деспотизмомъ Европы стали подвергать сомнѣнію всѣ установившіяся вѣрованія и оспаривать законность всего общественнаго и религіознаго быта, сложившагося исторически. Это былъ, конечно, необходимый фазисъ въ развитіи человѣчества, фазисъ, черезъ который оно должно было пройти для того, чтобы вступить на раціональный путь государственной и общественной жизни. Необходимъ онъ былъ и въ области науки, для которой тогда наступила пора сбросить съ себя остатки средневѣковаго рабства, воспитаннаго инквизиціей, и освободиться отъ гнета древнихъ, тяготѣвшаго на нем со временъ возрожденія. Наукѣ нуженъ былъ просторъ и новые пути, чтобы двинуться къ новой жизни. Первый сигналъ по отношенію къ древней исторіи подалъ итальянецъ Вико въ своемъ сочиненіи Scienza nuova, вышедшемъ въ 1725 г. и за тѣмъ въ 1731 г. Съ необыкновеннымъ талантомъ и смѣлостью Вико опровергаетъ всѣ предания древнѣйшей греческой и римской исторіи, и тамъ, гдѣ до него была достовѣрная исторія, онъ видитъ миѳы и аллегоріи. Онъ первый выразилъ ясно мысль о собирательномъ значеніи имени Гомера и въ именахъ римскихъ царей усмотрѣлъ аллегорическій характеръ, а въ древнѣйшей римской исторіи миѳы, выдуманные для Римлянъ Греками. Въ своей небольшой книгѣ, написанной впрочемъ чрезвычайно темно и небрежно, Вико бросилъ много свѣтлыхъ мыслей, предупредивши Нибура почти цѣлымъ столѣтіемъ въ массѣ результатовъ. Но трудъ Вико прошелъ какъ-то мало замѣченнымъ для современниковъ, особенно внѣ Италіи. Его идеи были слишкомъ смѣлы и рѣзки для того времени, а языкъ его слишкомъ теменъ и запутанъ, чтобы книга его могла быть удобно читаема иностранцами.

Иное дѣло—появленіе скептицизма во Франціи. Небольшая диссертація, прочтенная Пульи въ 1722 г. въ Парижской академіи надписей (напечатана въ 1729 г.), Sur l' incertitude de l' histoire de quatre premiers siécles de Rome, произвела тамъ бурю, которая не скоро утихла. Пульи доказывалъ не больше— не меньше, какъ то, что римская исторія первыхъ столѣтій основывает-

ся на преданіи, не имѣющемъ для себя поддержки въ письменныхъ памятникахъ, такъ какъ эти послѣдніе, и именно жреческая лѣтопись, сгорѣли во время галльскаго пожара. Противъ него поднялъ ожесточенную полемику аббатъ Салье въ трехъ мемуарахъ, прочтенныхъ въ той же академіи, отстаивая достовѣрность исторіи, переданной Ливіемъ. Споръ былъ вскорѣ перенесенъ за стѣны французской академіи и тутъ на просторѣ онъ пріобрѣлъ значеніе, какого до тѣхъ поръ не имѣлъ. Въ 1738 г. французскій эмигрантъ Бофоръ выпустилъ въ Утрехтѣ книгу (1), значеніе которой далеко превосходило все то, что до той поры могъ сдѣлать скептицизмъ въ римской исторіи. Бофоръ доказывалъ, что цѣлые пять столѣтій Рима не имѣютъ достовѣрности, въ чемъ по его мнѣнію легко убѣдиться, если разсмотрѣть частности передаваемыхъ разсказовъ о войнахъ или о другихъ событіяхъ, частности, бросающіяся въ глаза своею несообразностью. Съ большимъ искусствомъ и ловкостью Бофоръ доказывалъ, что ко времени римскихъ историковъ не уцѣлѣло памятниковъ письменности, предшествовавшихъ разоренію Рима Галлами. Полагая однако, что основа извѣстій, сообщаемыхъ древними писателями о древнѣйшей исторіи Рима, достовѣрна, Бофоръ сдѣлалъ впослѣдствіи попытку возстановить древнѣйшую римскую исторію, которая несмотря на неправдоподобности въ частностяхъ, имѣетъ, какъ онъ убѣжденъ, такую послѣдовательную связь внутреннихъ событій, что нѣтъ большой трудности возстановить политическую исторію древнѣйшаго Рима. Результатомъ этихъ соображеній Бофора было новое его сочиненіе— République Romaine, ou plan général de l'ancien gouvernement de Rome, гдѣ онъ старается показать политическую исторію древнѣйшаго Рима въ истинномъ ея свѣтѣ. Не смотря на противодѣйствіе, какое встрѣтилъ Бофоръ въ лицѣ Гука и Христ. Сакса, онъ тѣмъ не менѣе произвелъ сильное впечатлѣніе на современниковъ и ближайшее къ нимъ поколѣніе. Его идеи подняли но-

(1) Dissertation sur l'incertitude des cinq premiers siécles de l'histoire Romaine. Utrecht, 1738.

вую борьбу во французской академіи и во многихъ пунктахъ разчистили дорогу человѣку, именемъ котораго въ нашемъ столѣтіи стало обозначаться то направленіе, которое, отрицая достовѣрность дошедшей до насъ первоначальной римской исторіи, стремится возстановить ее средствами новѣйшей исторической критики.

Нибуръ есть одно изъ самыхъ грандіозныхъ явленій, какое только можетъ представить исторія европейской науки. Никто изъ ученыхъ, занимавшихся до Нибура римской исторіей, не соединялъ въ себѣ такой всеобъемлющей учености съ такою смѣлостью мысли и вѣрою въ свой ученый методъ, какъ этотъ историкъ. Кажется, не было въ историко-общественныхъ наукахъ области знанія, которая бы не была вполнѣ доступна Нибуру: историкъ, юристъ, финансистъ, дипломатъ, филологъ, онъ зналъ даже военное дѣло, знакомство съ которымъ весьма не маловажно для занимающагося исторіей Рима. Съ удивительною легкостью онъ беретъ доказательства и аналогіи отовсюду, гдѣ только могъ найтись сподручный ему матеріалъ. Онъ переносится въ исторію средневѣковыхъ итальянскихъ республикъ и находитъ тамъ для себя опору также легко, какъ въ исторіи греческой и германской. Эта колоссальная ученость. въ соединеніи съ необыкновенной силой воображенія, даетъ ему возможность дѣлать самыя смѣлыя историческія и филологическія комбинаціи съ такой видимой силой убѣдительности, что читатель, постоянно находящійся подъ обаяніемъ его эрудиціи и таланта, невольно вѣритъ ему и увлекается теченіемъ его мысли и доказательствъ. Мы легко понимаемъ то огромное дѣйствіе, которое произвелъ Нибуръ на умы современниковъ и слѣдующаго поколѣнія. Нибуръ выходитъ изъ той же точки изслѣдованія, изъ которой вышелъ и Бофоръ, именно, что римская исторія первыхъ столѣтій лишена положительныхъ источниковъ и убѣжденъ, что время первыхъ царей Рима носитъ на себѣ чисто миѳическій характеръ, что дальнѣйшая исторія Рима до удаленія плебеевъ на священную гору все еще несвободна отъ этого характера, хотя здѣсь есть очевидно и много историческаго и наконецъ, что съ этого времени возможна уже положительная исторія. Недовольствуясь одной критикой со-

хранившихся преданій, Нибуръ старается вникнуть во внутренній смыслъ ихъ и на основаніи представляющейся ему связи событій возстановить древнѣйшую римскую исторію. Это возстановленіе исторіи было трудомъ громаднымъ и изумительнымъ, трудомъ, въ которомъ всего болѣе видна сила учености и сила генія Нибура. Много свѣта пролилъ Нибуръ въ этой работѣ на исторію развитія римскаго государства, на взаимное отношеніе сословій и партій, на значеніе разныхъ политическихъ учрежденій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это была работа, которая ввела въ разработку римской исторіи печальную привычку толковать преданія по внушенію своего генія, приписывать историческую правду тѣмъ изъ нихъ, которыя подходятъ подъ личную точку зрѣнія историка, и отвергать тѣ, которыя ему стоятъ на дорогѣ. Это-та несчастная въ наукѣ древности привычка, которая, послѣ того какъ много новыхъ изслѣдователей бросилось по слѣдамъ Нибура пробовать свои силы надъ созданіемъ римской исторіи, произвела то, что мы имѣемъ теперь Нибуровскую, Швеглеровскую, Моммзеновскую и т. д. исторію Рима, но не имѣемъ собственно римской исторіи Нибуръ первый поплатился за тотъ произволъ, съ которымъ онъ распоряжался въ древнѣйшей римской исторіи. Коль скоро разъ былъ допущенъ прiемъ производить исторію изъ собственнаго ума, исторію, гдѣ преданія древнихъ заняли мѣсто второстепенное, коль скоро разъ была выпущена изъ-подъ ногъ изслѣдователя дѣйствительная почва, на которой единственно можно было стоять съ нѣкоторой твердостью, то явилась возможность для каждаго новаго изслѣдователя передѣлывать исторію по своему; и результатомъ всего этого было то, что изъ всѣхъ изслѣдованій Нибура не осталось почти ни одного мѣста, которое было бы оставлено безъ передѣлки послѣдующими историками Въ настоящее вр мя — если исключить самое небольшое число изслѣдованій, не признаваемыхъ господствующимъ направленіемъ — мы дошли до того, что одинъ изъ замѣчательныхъ новѣйшихъ изслѣдователей, покойный англійскій министръ Льюисъ, не побоялся заявить, что такъ какъ римская исторія первыхъ четырехъ съ половиною столѣтій не имѣетъ современныхъ источниковъ, то мы должны отказать ей во всякомъ

вѣроятіи. Вотъ результатъ, къ которому привели насъ послѣдствія такъ называемаго Нибуровскаго метода.

Но не всѣ однако изслѣдователи согласились добровольно отказаться отъ единственной почвы, на которой возможны какіе-либо положительные результаты по древнѣйшей римской исторіи. Еще въ самый разгаръ Нибуровской славы нѣкоторые весьма сильные ученостью люди, какъ Вахсмутъ обращали вниманіе своихъ собратовъ на незаконность произвольнаго обращенія съ источниками древнѣйшей римской исторіи, указывали на то, что извѣстія древнихъ о своей исторіи могли опираться на немалое количество письменныхъ памятниковъ, относящихся къ древнѣйшему времени. Но настоящая оппозиція Нибуровской школѣ стала организоваться только въ продолженіе двухъ—трехъ послѣднихъ десятилѣтій. Къ наиболѣе видными представителямъ ея въ Германіи принадлежатъ Герлахъ и Бахофенъ, которые стараются всѣми силами доказать, что для изслѣдователей римской исторіи необходимо стоять ближе къ разсказу самихъ Римлянъ и ихъ пониманію своей исторіи; къ представителямъ этой оппозиціи принадлежитъ и Брекеръ, который, опираясь на внутреннія и внѣшнія основанія, съ рѣдкою ученостью доказываетъ достовѣрность древнѣйшей римской исторіи. На этой же точкѣ зрѣнія стоятъ нѣкоторые французскіе и англійскіе историки послѣдняго времени, какъ Амперъ, Ньюманъ и Дэйеръ, книга котораго «The history of the kings of Rome» вышла въ свѣтъ въ нынѣшнемъ году.

Диссертація моя «Римская письменность въ періодъ царей» не имѣетъ прямой цѣли доказать достовѣрность или недостовѣрность первоначальной римской исторіи, но она вызвана глубокимъ убѣжденіемъ въ несостоятельности Нибуровскаго направленія. Послѣ многихъ размышленій, возникшихъ во мнѣ въ особенности въ бытность мою въ Римѣ, гдѣ я собственными глазами всматривался въ памятники архитектуры давно минувшей эпохи, изъ которыхъ нѣкоторые относятся еще къ періоду римскихъ царей, равно какъ послѣ внимательнаго изученія преданій, относящихся къ первоначальной римской исторіи, я сталъ убѣждаться все болѣе и болѣе въ томъ, что исторія эта, хотя не совсѣмъ

чуждая вымысловъ, какъ и первоначальная исторія всякаго народа, не есть плодъ фантазіи римскихъ анналистовъ и историковъ, но что она опирается на источники иногда весьма краснорѣчиваго свойства. Такими источниками могли быть не только преданія, связанныя съ опредѣленными мѣстами и памятниками древняго Рима, существовавшими до позднѣйшихъ временъ, но и памятники письменности, относящіеся по своему происхожденію къ отдаленнѣйшему времени. Слѣды нѣкоторыхъ изъ этихъ памятниковъ сохранились даже до нашего времени. На существованіе же другихъ указываютъ неопровержимыя свидѣтельства древнихъ писателей. Въ томъ, что въ Римѣ еще въ періодъ царей существовала письменность, не позволяетъ себѣ сомнѣваться почти ни кто даже изъ послѣдователей Нибуровской школы, и тѣмъ менѣе сомнѣвался въ этомъ самъ Нибуръ. Но такъ какъ объ этой древнѣйшей письменности до сихъ поръ говорилось обыкновенно мало или даже мимоходомъ, то я счелъ нужнымъ заняться этимъ вопросомъ спеціально и разобрать все то, что, по моему мнѣнію, было предметомъ письменности въ періодъ царей При этомъ я, вопреки господствующему мнѣнію, пришелъ къ убѣжденію, что латинская письменность не только восходитъ къ началу римскаго государства, но явилась еще въ доримскую эпоху въ Лаціумѣ, т. е въ странѣ, гдѣ возникъ и выросъ Римъ. Еще въ недавнее время такое убѣжденіе могло бы казаться слишкомъ смѣлымъ и почти нелѣпымъ; но послѣ того, что открыла историческая наука въ другихъ странахъ, болѣе древнихъ, чѣмъ Римъ и Италія, высказывать это убѣжденіе можно, я думаю, безъ всякаго колебанія. Вспомнимъ, мм. гг, что ученые, занимающіеся въ послѣднее время исторіею Египта, встрѣтились съ памятниками письменности, восходящими за пять тысячь лѣтъ въ древность отъ нашего времени, что существуютъ памятники не только іератическаго, но и народнаго письма въ Египтѣ, восходящія за три тысячи лѣтъ до Р. Х. Явленія, еще недавно невѣроятныя, но теперь сдѣлавшіяся общеизвѣстнымъ въ наукѣ фактомъ. Невѣрующимъ совѣтую заглянуть хоть въ октябрьскую книжку «Вѣстника Европы», гдѣ г. Стасовъ приводитъ въ переводѣ цѣлую прекрасную повѣсть «О двухъ братьяхъ», со-

хранившуюся не только на папирусѣ, но и на пирамидѣ и восходящую за 14 вѣковъ до Р. Х. Вспомнимъ также, что новѣйшія изслѣдованія въ странахъ Востока и даже въ нашей Скиѳіи необыкновенно подтверждаютъ сказанія объ этихъ странахъ Геродота, сказанія, еще недавно считавшіяся вымыслами. Вспомнимъ и то, что новѣйшія изслѣдованія на сѣверѣ Европы находятъ несомнѣнные остатки финикійскихъ поселеній не только въ Ирландіи, но и въ сѣверной Германіи и даже въ Швеціи. Обратимъ вниманіе и на то, что Вольфова гипотеза о собирательномъ значеніи имени Гомера падаетъ все болѣе и болѣе и мнѣніе, что Греки знакомы были съ письменами еще въ эпоху троянской войны, пріобрѣтаетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе значенія. Доказательствомъ послѣдняго служитъ уже то сочувствіе, съ какимъ принята европейскими учеными недавно вышедшая въ свѣтъ книга греческаго ученаго Валетты—«Жизнь и сочиненія Гомера» (*Ὁμήρου βίος καὶ ποιήματα*), гдѣ г. Валетта опровергаетъ всѣ выдуманныя скептической школой предположенія о личности Гомера и исторіи его произведеній. Въ такое время, мм. гг, я думаю, можно говорить о существованіи письменности у Римлянъ даже въ самую раннюю пору періода царей, не оставаясь гласомъ вопіющаго въ пустынѣ

Въ своей диссертаціи я старался доказать три слѣдующихъ главныхъ положенія: 1) что латинскій алфавитъ образовался въ Лаціумѣ въ эпоху, предшествовавшую основанію Рима; 2) что въ Римѣ въ періодъ царей существовала письменность духовная и свѣтская, и что памятниками этой письменности были царскіе законы, союзные договоры, каноническія и богослужебныя книги и такъ называемые комментаріи понтификовъ, далѣе, церковный календарь, составлявшійся тѣми же понтификами (вопросъ о существованіи жреческой лѣтописи въ періодъ царей я оставилъ нерѣшеннымъ), наконецъ гимны братьевъ арвальскихъ и жрецовъ Саліевъ; 3) что свидѣтелями этой древнѣйшей письменности служатъ сохранившіеся до нашего времени отрывки пѣснопѣній Саліевъ и гимнъ братьевъ арвальскихъ.

На книгу мою въ августовскомъ № Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія была напечатана рецензія профес-

сором петербургскаго университета, Н. Благовѣщенскимъ. Считаю нужнымъ указать на степень добросовѣстности и учености, съ какою написана эта рецензія. Г. Благовѣщенскій между прочимъ упрекаетъ меня въ томъ, что будто я не счелъ нужнымъ ознакомиться съ Миллеровымъ изданіемъ Феста и Павла Дьякона, тогда какъ я всего болѣе пользовался именно этимъ изданіемъ и привожу его съ точнѣйшимъ обозначеніемъ страницы изданія *сорокъ семь* разъ. Въ другомъ мѣстѣ г. Благовѣщенскій взводитъ на меня вину, будто я незнакомъ съ сборниками надписей Ричля и Моммзена, тогда какъ я привожу съ самыми подробными обозначеніями первый сборникъ *одинадцать* разъ, а второй *двѣнадцать* разъ. Чтобы дать понятіе о степени учености въ критикѣ г. Благовѣщенскаго, я позволю себѣ указать хоть на то странное обстоятельство, что онъ, утверждая, что едвали когда-нибудь Греки писали отъ правой руки къ лѣвой, обнаружилъ незнакомство даже съ извѣстной всякому филологу книгой Франца «Elementa epigraphices Graecae», гдѣ приведены сохранившіеся образчики этого направленія письма. Г. Благовѣщенскій не понялъ даже задачи моего труда, упрекая меня въ томъ, что я ничего не говорилъ въ немъ о такъ называемыхъ «застольныхъ пѣсняхъ» Римлянъ (carmina convivalia), тогда какъ пѣсни эти не только въ періодъ царей, но и никогда не были записаны, и слѣдовательно разсужденіе о нихъ *никакимъ образомъ* не могло входить въ мою книгу, какъ предметъ, совершенно чуждый ея задачѣ. Въ виду этой несправедливой и крайне пристрастной рецензіи мнѣ дорого было получить заявленіе чрезвычайно лестнаго для меня сочувствія къ моей работѣ въ адресованныхъ ко мнѣ письмахъ двухъ первокласныхъ западныхъ ученыхъ, въ письмахъ, которыя съ такимъ же удовольствіемъ были прочтены многими изъ моихъ почтенныхъ товарищей.

Подвергая на вашъ судъ, мм. гг., свой трудъ, прошу вашего благосклоннаго сужденія.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ ЖУРНАЛА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ (1).

Милостивый государь,

Александръ Ивановичъ,

Прочитавши въ августовской книжкѣ Жур. Мин. Нар. Просвѣщенія рецензію г. Благовѣщенскаго на мою книгу подъ заглавіемъ: «Римская письменность въ періодъ царей», я немедленно послалъ въ одну изъ петербургскихъ газетъ нѣсколько замѣчаній, клонившихся къ возстановленію истины въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она особенно пострадала въ рецензіи г. Благовѣщенскаго. Но такъ какъ редакція газеты не сочла нужнымъ напечатать моихъ замѣчаній, и такъ какъ интересы истины и науки не позволяютъ мнѣ вышеозначенную рецензію оставить безъ всякаго отвѣта, то я рѣшился покорнѣйше просить Васъ напечатать въ ближайшей къ выходу книжкѣ редактируемаго Вами журнала нѣсколько моихъ замѣчаній, имѣющихъ единственною цѣлію возстановленіе истины, безъ всякихъ разсужденій. Присущая Вамъ любовь къ наукѣ даетъ мнѣ поводъ думать, что просьба моя не останется безъ исполненія.

---

(1) Г. редакторъ увѣдомилъ меня, что письмо это будетъ напечатано въ ноябрьской книгѣ Жур. Мин. Нар. Просв.— Считаю нужнымъ при этомъ замѣтить, что могущая встрѣтиться въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разница выраженій между редакціей напечатаннаго здѣсь и имѣющаго быть напечатаннымъ въ Жур. М. Н. Пр. письма къ г. Георгіевскому объясняется возможнымъ уклоненіемъ отъ черновой въ письмѣ, посланномъ въ редакцію журнала.

На стр. 663 книги журнала, въ которой помѣщена рецензія, г. Благовѣщенскій выражаетъ сожалѣніе о томъ, что будто я не счелъ нужнымъ ознакомиться съ Миллеровымъ изданіемъ Феста, тогда какъ этого автора вмѣстѣ съ сократителемъ его Павломъ Дьякономъ я привожу по изданію Миллера съ постояннымъ обозначеніемъ страницы изданія *ровно сорокъ семь разъ*.

На стр. 666 г. Благовѣщенскій между прочимъ говоритъ: «оказывается, что г. Модестовъ вовсе не имѣлъ въ виду сборниковъ латинскихъ надписей, изданныхъ Моммзеномъ и Ричлемъ». Но сборникъ Ричля въ моей книгѣ приводится по разнымъ случаямъ съ точнѣйшимъ обозначеніемъ таблицъ надписей и даже буквъ, подъ которыми та или другая надпись приведена на таблицѣ, *одинадцать разъ*, а сборникъ Моммзена не менѣе *двынадцати*.

На стр. 611 (въ концѣ) и на 662 г. Благовѣщенскій обвиняетъ меня въ томъ, что я не обратилъ никакого вниманія на нумизматическія древности и вслѣдъ за тѣмъ обвиняетъ еще въ томъ, что я не коснулся вопроса о застольныхъ пѣсняхъ (carmina convivalia). Такъ какъ я имѣлъ цѣлію прослѣдить въ своемъ сочиненіи римскую *письменность* въ періодъ царей, и такъ какъ отъ этого періода не осталось не одной монеты съ надписью, то естественно, что у меня и не могло итти рѣчи о нумизматической письменности въ періодъ царей. Тамъ же, гдѣ нужно было коснуться сохранившихся древнѣйшихъ монетъ, я подробно, съ ссылками на оттиски ихъ въ изданіяхъ надписей Ричля и Моммзена, привожу ихъ на 5-й стр. своей книги. Что касается до carmina convivalia, то объ нихъ у меня никакимъ образомъ не могло быть рѣчи потому, что я писалъ о римской *письменности* въ періодъ царей, т. е. о томъ, что было *писано въ періодъ царей*, а не о древнѣйшей римской народной литературѣ, куда от-

носятся carmina convivalia, которыя никогда и никѣмъ не были записаны, а тѣмъ болѣе не были записаны въ періодѣ царей. Очевидно, г. Благовѣщенскій смѣшиваетъ понятіе о письменности съ понятіемъ о литературѣ; но это не вѣрно. Записанный протоколъ, законъ, договоръ, судебная резолюція—это памятники письменности, но никакъ не литературы, а между тѣмъ пѣсни и былины, живущія въ устахъ народа, принято называть литературой народа.

На стр. 657 г. Благовѣщенскій выражаетъ сомнѣніе въ томъ, что у Грековъ когда-либо существовало направленіе письма отъ правой руки къ лѣвой. Онъ говоритъ, что это «еще не доказано». Если существованіе этого направленія письма у Грековъ для него не ясно изъ того, что почти всѣ италійскіе алфавиты (а они произошли отъ греческаго) и до позднѣйшаго времени употребляли направленіе письма отъ правой руки къ лѣвой, то, не упоминая о другихъ изданіяхъ, гдѣ приводятся сохранившіеся образчики этого письма, я укажу на извѣстную всякому филологу книгу Франца: Elementa epigraphices Graecae (см. прил. къ 51 стр. этой книги).

На стр 659 и 660 г. Благовѣщенскій, по совершенно непонятнымъ для меня основаніямъ, считаетъ тему, взятую мною для изслѣдованія, до того обработанною въ наукѣ, что, по его словамъ, она «излагается во всемъ ея объемѣ если не подробнѣе, то во всякомъ случаѣ (?) гораздо основательнѣе, чѣмъ у нашего автора (т. е. у меня) въ любомъ хорошемъ учебникѣ по исторіи римской литературы». Не знаю, какіе имѣетъ въ виду учебники г. Благовѣщенскій, но въ указанныхъ имъ нѣтъ ничего по этой части, кромѣ голаго упоминовенія о нѣкоторыхъ вопросахъ, вошедшихъ въ мою тему. Впрочемъ опровергать это, повторяю,

совершенно непонятное для меня утвержденіе г. Благовѣщенскаго, мнѣ нѣтъ никакой нужды, когда самъ г. Благовѣщенскій, вслѣдъ за увѣреніемъ, что вопросъ этотъ будто бы весьма разработанъ въ ученой литературѣ, говоритъ слѣдующее: «правда, до сихъ поръ никто еще, за исключеніемъ г. Модестова, *не отважился* приступить къ монографическому изложенію означеннаго вопроса... Лучшіе знатоки римской литературной старины, безъ сомнѣнія, чувствуютъ, что обширность и глубина означеннаго вопроса далеко превышаютъ ихъ силы» и т. д. Если правда, что вопросъ, занимавшій меня, обработанъ даже въ учебникахъ, то какая же требуется отвага къ монографическому изложенію его? Какимъ образомъ вопросъ, разработанный даже въ учебникахъ, можетъ пугать лучшихъ знатоковъ римской литературной старины?

Я не считаю нужнымъ входить въ опроверженіе остальныхъ возраженій г. Благовѣщенскаго и не стану изъ разобранныхъ здѣсь возраженій дѣлать заключеніе о духѣ и стремленіи всей рецензіи. Замѣчу только одно: такъ какъ книга моя уже переводится на нѣмецкій языкъ и не замедлитъ въ этомъ видѣ выйти въ свѣтъ подъ редакціею и съ именемъ одного изъ первокласныхъ европейскихъ ученыхъ, то для меня еще сохранилась надежда на болѣе серьёвную и безпристрастную оцѣнку моего труда, хотя и не въ родной литературѣ.

Примите увѣреніе въ истинномъ почтеніи и преданности.

В. Модестовъ.

Казань
16 октября
1868.

ОТВѢТЪ

ПРОФ. БЛАГОВѢЩЕНСКОМУ НА ЕГО РЕЦЕНЗІЮ КНИГИ: „РИМСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ ВЪ ПЕРІОДѢ ЦАРЕЙ“, ПОМѢЩЕННУЮ ВЪ ЖУР. МИН. НАР. ПРОСВѢЩЕНІЯ, АВГУСТЪ, 1868. (1)

Въ срѣдѣ людей, занимающихся изученіемъ древняго міра, г. Благовѣщенскій не пользуется репутаціей ученаго, хотя, благодаря литературнымъ достоинствамъ своихъ сочиненій, и имѣетъ нѣкоторую извѣстность въ публикѣ. Почти всѣ его сочиненія состоятъ изъ журнальныхъ статей и всѣ безъ исключенія суть не что иное, какъ компиляціи, составленныя большею частію изъ популярныхъ нѣмецкихъ книгъ и предисловій къ изданіямъ древнихъ авторовъ. При этомъ способѣ составленія статей, г. Благовѣщенскій легко и, къ сожалѣнію, очень часто впадаетъ въ плагіатъ самаго беззастѣнчиваго свойства. Съ этимъ послѣднимъ недостаткомъ учено—литературной дѣятельности г. Благовѣщенскаго, читатели «С. Петербургскихъ Вѣдомостей» были съ небольшимъ годъ тому назадъ въ достаточной степени ознакомлены г. Нейлисовымъ, человѣкомъ солидной учености, но, къ сожалѣнію, недавно покинувшимъ университетскую каоедру въ Харьковѣ. На всѣхъ трудахъ г. Благовѣщенскаго лежитъ отпечатокъ малаго знакомства не только съ фундаментальными источниками науки, но даже и съ замѣчательными трудами европейскихъ ученыхъ. Еще есть признаки того, что г. Благовѣщенскому извѣстна была въ нѣкоторой степени ученая литература Германіи и

(1) Отвѣтъ этотъ былъ посланъ въ редакцію «С. Петербургскихъ Вѣдомостей», но не напечатанъ въ этой газетѣ.

Франціи времени его молодости, но за то напрасно было бы искать въ его статьяхъ какого бы то ни было знакомства по крайней мѣрѣ съ капитальными сочиненіями итальянской и англійской ученой литературы. Нигдѣ равнымъ образомъ вы не видите, чтобы онъ слѣдилъ за спеціальными изданіями или за мемуарами разныхъ академій, гдѣ главнымъ образомъ и совершается движеніе науки впередъ. Не говорю уже о томъ, чтобы въ его сочиненіяхъ видно было какое-либо знакомство съ исторіей науки, въ особенности съ необыкновеннымъ движеніемъ ея въ 16-мъ столѣтіи во Франціи, или въ 17-мъ—въ Голландіи. Его статьи имѣютъ значеніе на столько, на сколько онѣ вѣрно передаютъ нашей публикѣ уже популяризированные отдѣлы науки въ Германіи или во Франціи; но въ то же время раскрываютъ передъ знакомымъ съ дѣломъ читателемъ глубокую безпомощность автора вездѣ, гдѣ онъ стремится хоть къ нѣкоторой самостоятельности. Сочиненіе, которому г. Благовѣщенскій придаетъ всего больше цѣны, «Горацій и его время» (оно составлено тоже изъ журнальныхъ статей), служитъ самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ этой безпомощности автора, предоставленнаго хоть на время самому себѣ. Авторъ вздумалъ между прочимъ повести въ немъ рѣчь о сочиненіяхъ Августа и не знаетъ о существованіи единственнаго дошедшаго до насъ изъ его сочиненій—политической исповѣди Августа, извѣстной подъ именемъ «Monumentum Ancyranum». (1) Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о дѣятеляхъ политическаго переворота, совершеннаго Авгу-

(1) Съ этимъ интереснымъ документомъ я старался ознакомить публику въ 232 № С. Петерб. Вѣдомостей 1865 г.

стомъ—и причисляетъ къ нимъ Азинія Полліона, одного изъ самыхъ заклятыхъ враговъ и Августа и его реформы. Я взялъ эти примѣры на удачу.

Обладая такими печальными научными средствами, г. Благовѣщенскій приступилъ, по поводу моей книги—«Римская письменность въ періодъ царей», къ разсужденію о самыхъ спеціальныхъ, темныхъ и запутанныхъ вопросахъ науки. Большая часть этихъ вопросовъ—такого свойства, что требуетъ особеннаго спеціальнаго приготовленія для занятія ими даже и со стороны тѣхъ ученыхъ, которые имѣютъ уже основательное знакомство съ разработанными вопросами науки. Здѣсь требуется знаніе эпиграфики, палеографіи, умѣнье обращаться съ текстами нѣкоторыхъ, дошедшихъ до насъ въ отрывкахъ, авторовъ, требуется высшее филологическое знаніе языка и его исторіи, и наконецъ требуется способность тонкой исторической и филологической комбинаціи. Сколько нибудь популярныхъ сочиненій, по которымъ привыкъ составлять свои статьи г. Благовѣщенскій, по этимъ вопросамъ нѣтъ и долго еще быть не можетъ. Пособія, какія даетъ наука для рѣшенія этихъ вопросовъ, находятся или въ академическихъ изданіяхъ, или въ изданіяхъ ученыхъ обществъ или, наконецъ, въ такихъ спеціальныхъ сочиненіяхъ, чтеніе которыхъ возможно только для человѣка, уже не мало работавшаго. Не знаю, что скажетъ впослѣдствіи наука о моемъ сочиненіи, и можетъ быть съ моей стороны было большой смѣлостью взяться за изслѣдованіе такого предмета; но я приступилъ къ изслѣдованію его, какъ предмета, который много лѣтъ занималъ меня и посвятилъ около трехъ лѣтъ къ написанію книги не болѣе, какъ въ 152 страницы. Но не могу скрыть удивленія,

которое охватило меня, когда я получилъ извѣстіе, что г. Благовѣщенскій печатаетъ на мою книгу рецензію. Всякій ученый, занимающійся наукой по призванію, а въ особенности такой неблагодарной въ нашемъ отечествѣ наукой, какъ классическая филологія, долженъ естественно радоваться, когда своимъ трудомъ вызываетъ голосъ, заинтересованный тѣмъ же самымъ предметомъ. Но знакомый — смѣю сказать болѣе, чѣмъ кто-либо другой — съ учеными силами г. Благовѣщенскаго, я не могъ ожидать въ его рецензіи ничего для себя полезнаго, хотя и не чаялъ встрѣтить въ ней такое обиліе лжи, клеветы и невѣжества, какъ это оказалось на самомъ дѣлѣ.

Въ своемъ сочиненіи я стремился доказать, вопреки господствующей школѣ ученыхъ, три слѣдующихъ главныхъ мысли: 1) что латинскій алфавитъ образовался въ Лаціумѣ въ эпоху, предшествовавшую образованію римскаго государства, 2) что въ періодъ царей въ Римѣ съ самаго начала его существовала письменность для государственныхъ и религіозныхъ цѣлей и 3) что живыми свидѣтелями языка этой письменности служатъ дошедшій до нашего времени гимнъ братьевъ Арвальскихъ и отрывки изъ пѣснопѣній жрецовъ Саліевъ Задача эта въ томъ видѣ, какъ я ее поставилъ, не была задаваема себѣ никѣмъ изъ ученыхъ, хотя нѣкоторые изъ вопросовъ, къ ней относящихся, и служили уже предметомъ внимательнаго изученія ученыхъ. Идя въ разрѣзъ съ господствующими мнѣніями, я не ожидалъ себѣ похвалы со стороны тѣхъ изъ нашихъ ученыхъ, которые, хотя и имѣютъ высокій чинъ, не шли однако въ своей ученой дѣятельности дальше компиляцій. Объ этомъ я и заявилъ въ предисловіи къ своей книгѣ. Это заявленіе, какъ видно изъ заключенія рецензіи г. Благовѣщенскаго и подняло его на ноги. Зная, что озна-

ченное мѣсто предисловія относится именно къ нему, онъ заключаетъ свою рецензію слѣдующими словами: «Очень жаль, что и теперь еще приходится проповѣдывать объ уваженіи къ трудамъ нашихъ литературныхъ предшественниковъ и наставниковъ (какъ хотите, а ваши труды не стоютъ большого уваженія). Самолюбивое и ни на чемъ не основанное (такъ ли?) притязаніе стать выше ихъ»... и т. д. Такая точка отправленія, гдѣ достоинство сочиненія отошло на задній планъ, а высунуло свою голову одно пустое самолюбіе, естественно заставляла г. Благовѣщенскаго отыскать во чтобы то ни стало возможно большую массу дѣйствительныхъ или мнимыхъ промаховъ и этимъ ограничить свою рецензію Но чтобы указывать промахи другаго, надобно, какъ извѣстно, быть знакомымъ съ предметомъ, если не въ большей, то по крайней мѣрѣ въ равной степени съ изслѣдователемъ. Г. Благовѣщенскому, ослѣпленному самолюбивымъ негодованіемъ, и забывшему Ливіево vanam sine viribus iram esse, не было дѣла до этого условія и потому вмѣсто указанія моихъ промаховъ, за что я былъ бы весьма благодаренъ, онъ обнаружилъ только полнѣйшее незнакомство съ предметомъ, приправленное взведеніемъ на меня самыхъ грубыхъ и безсовѣстныхъ клеветъ. Это сейчасъ увидитъ читатель.

На стр. 3-й своей книги я указываю на неосновательность мнѣнія Швеглера, по которому латинскій алфавитъ образовался не раньше времени Тарквиніевъ. Г. Благовѣщенскому это не нравится и онъ, не понимая дѣла, возражаетъ мнѣ совершенно безсмысленно тѣмъ, что самъ-де Швеглеръ указываетъ на нѣкоторые памятники письменности періода царей. Г. Благовѣщенскій не замѣтилъ, что Швеглеръ указываетъ именно на памятники времени Тарквиніевъ, не допуская болѣе ранняго письма, а я

стремился доказать, что письмо существовало въ Римѣ еще въ самое первое время римскаго государства Въ чемъ тутъ заключается возраженіе противъ меня, этого я никакъ не могъ понять. Дальнѣйшія замѣчанія г. Благовѣщенскаго къ указанному мѣсту въ моей книгѣ представляютъ такую путаницу, такое толченіе воды, какое только возможно для человѣка, не имѣющаго совершенно никакого опредѣленнаго представленія о предметѣ и бродящаго въ потемкахъ.

На стр. 4-й своей книги я доказываю крайнюю несостоятельность мнѣнія О. Миллера, по которому латинское письмо образовалось не раньше конца 3-го вѣка Рима и будто Римляне до этого времени писали по гречески или по этрусски. Г. Благовѣщенскій думая помочь знаменитому ученому, высказавшему свое мнѣніе ясно и отчетливо, перетолковываетъ его мысль такъ, что будто Миллеръ, говоря объ этрусскомъ или греческомъ письмѣ Римлянъ, имѣетъ въ виду не языки этихъ народовъ, а только алфавиты, т. е. онъ приписываетъ замѣчательному ученому нелѣпую мысль, будто Римляне, когда имъ нужно было писать на своемъ языкѣ, обращались за алфавитомъ къ этрускамъ или къ грекамъ по произволу, хотя Миллеръ и заявилъ, что латинскій алфавитъ произошелъ не отъ этрусскаго, а отъ греческаго. Что Отф. Миллеръ дѣйствительно думалъ, что Римляне древнѣйшаго времени писали на этрусскомъ или на греческомъ языкѣ (разумѣется и алфавитами этихъ языковъ), это явствуетъ, какъ изъ собственныхъ словъ Миллера: Schrieb man in Rom vorher (т. е. до конца 3 в. Рима), so war es entweder Griechisch oder Tuskisch, такъ и изъ того, что мысль эту всегда такъ понимали и въ нѣмецкой литературѣ. Такъ Моммзенъ, оспаривая эту мысль Миллера, говоритъ слѣдующее (Unter. Dial., p. 27): «Müllers Annah-

me, dass man in Rom, ehe der *einheimische Dialekt* zur Schriftsprache ward, sich tuskischer oder griechischer *Sprache* und Schrift bedient habe, ist nicht gerade unmöglich, aber nach aller Analogie nicht eben wahrscheinlich». Никто никогда и не думалъ оспаривать вѣрность пониманія Моммзеномъ Миллеровой мысли. А нужно видѣть, съ какимъ негодованіемъ нападаетъ на меня г. Благовѣщенскій, понимающій мысль Миллера по своему: онъ даже имѣлъ наглость заподозрить меня въ томъ, что я едвали и заглядывалъ въ сочиненіе Миллера, хотя и не могъ не замѣтить, что я разбираю мнѣніе Миллера съ большой подробностью. Къ чему эти нахальные пріемы? Съ какой стати, далѣе, онъ говоритъ, что будто я не понимаю, какъ слѣдуетъ, слово litteratura у Ленсіуса, когда я вовсе и не входилъ въ разсмотрѣніе мнѣнія Ленсіуса, а только указалъ на него? Язвительный человѣкъ г. Благовѣщенскій.

Я прохожу безъ замѣчанія пустую болтовню моего критика на счетъ моего мнѣнія, что латинскій алфавитъ образовался въ доримскую эпоху и на счетъ того, будто я неправильно понялъ выраженіе Моммзена — «eine bedeutende Frist verstrichen sein muss (еще г. Нейлисовъ замѣчалъ, что г. Благовѣщенскій прекрасно знаетъ по нѣмецки): она не представляетъ ничего фактическаго, а есть одно переливаніе изъ пустаго въ порожнее безъ всякаго пониманія дѣла. Но я считаю нужнымъ указать на то, какое дѣтское непоминаніе оказывается у г. Благовѣщенскаго самыхъ элементарныхъ научныхъ фактовъ всякій разъ, какъ онъ думаетъ самъ заняться разсужденіемъ о какомъ нибудь вопросѣ науки. Такъ, онъ никакъ не можетъ понять родства латинскаго алфавита съ фалисскимъ, хотя оно принято безъ возраженій, какъ научный фактъ, всѣми учеными, занимавшимися

этимъ дѣломъ, и хотя оно явствуетъ, какъ Божій день, изъ приложенной мною таблицы алфавитовъ. Конечно, чтобъ понимать эти вещи, надобно хоть не много поучиться палеографіи, а до такой эрудиціи г. Благовѣщенскому, ищущему ученостн лишь въ популярныхъ книгахъ, далеко. Но мой критикъ не знаетъ и того, что давнымъ-давно должно быть извѣстно всякому порядочному студенту (по крайней мѣрѣ это хорошо извѣстно моимъ слушателямъ), именно, что было время, когда Греки писали отъ правой руки къ лѣвой. Но его словамъ, это «еще не доказано» (стр. 657). Если ему не извѣстно, что почти всѣ италійскіе алфавиты—а они произошли отъ греческаго—и до позднѣйшихъ временъ удерживали направленіе письма отъ лѣвой руки къ правой, то ему должна быть извѣстна по крайней мѣрѣ книга Франца: Elementa epigraphices Graecae, гдѣ онъ могъ бы видѣть въ очію сохранившіеся памятники такого рода греческаго письма.

Окончивши банальнымъ и обнаруживающимъ все непониманіе имъ предмета заключеніемъ разборъ 1-й главы моей книги, и замѣтивши, что онъ не можетъ съ такою же подробностью (!) подвергнуть разбору и другія главы, онъ съ полною безцеремонностью замѣчаетъ, что по всѣмъ вопросамъ, которые изслѣдуются въ этихъ главахъ, «наука представляетъ цѣлый рядъ спеціальныхъ изслѣдованій». Кого хочетъ мой критикъ морочить такою наглою ложью? Гдѣ этотъ рядъ спеціальныхъ изслѣдованій? И почему онъ не назвалъ изъ этого ряда даже ни одного спеціальнаго изслѣдованія? Какое онъ укажетъ напр. спеціальное, или даже не спеціальное изслѣдованіе о комментаріяхъ понтификовъ? Какое онъ укажетъ спеціальное изслѣдованіе о книгахъ понтификовъ, кромѣ единственной статьи Амброша объ индиги-

таментахъ? Дѣйствительно въ моей книгѣ указанъ цѣлый рядъ изслѣдованій по вопросу, обсуждаемому мной въ послѣдней главѣ, именно о гимнѣ братьевъ Арвальскихъ и отрывкахъ гимновъ жрецовъ Саліевъ. Но гдѣ же рядъ изслѣдованій по другимъ-то вопросамъ? Я думаю, что виною такого ложнаго заявленія со стороны моего критика было не только его вопіющее невѣжество въ наукѣ, сколько крайняя недобросовѣстность. Привыкши компилировать популярныя книги и въ двадцать пять лѣтъ своей ученой дѣятельности не сказавши ни одной собственной мысли, онъ вѣроятно вообразилъ, что и другіе русскіе ученые не въ состояніи работать собственнымъ умомъ, и возгорѣлъ негодованіемъ за эту попытку самостоятельной работы въ одномъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ науки Въ этомъ негодованіи ему казалась позволительною всякая ложь и всякая клевета, лишь бы уязвить непріятнаго для себя человѣка. Чѣмъ же, кромѣ крайняго безстыдства, можно объяснить его заявленіе, что будто тема, на которую написано мое изслѣдованіе, «излагается если не подробнѣе, то во всякомъ случаѣ гораздо основательнѣе въ любомъ хорошемъ учебникѣ по исторіи римской литературы»? Въ учебникахъ по исторіи римской литературы не говорится на эту тему обыкновенно ни слова, исключая вопроса о жреческой лѣтописи и вопроса о гимнахъ братьевъ Арвальскихъ и жрецовъ Саліевъ, да и по этимъ вопросамъ говорится лишь нѣсколько словъ. Все же остальное, какъ не относящееся къ исторіи римской литературы, проходится молчаніемъ. Какъ далеко простирается недобросовѣстность и недальновидность г. Благовѣщенскаго, это можно видѣть изъ того, что онъ указываетъ на книгу Клоца, какъ на такую, гдѣ будто бы много общаго съ содержаніемъ моей книги; при этомъ онъ и указываетъ заглавіе содержанія книги

Клоца: 1) Ursprung der lateinischen Sprache, 2) Fernere Ausbildung der lat. Sprache und erste Grundlage der lat. Litteratur. Уже самое заглавіе книги Клоца показываетъ, что я разсуждаю совершенно о другомъ предметѣ, чѣмъ Клоцъ; и дѣйствительно я ни слова не говорю ни о происхожденіи латинскаго языка, ни о дальнѣйшемъ его образованіи, ни о первомъ основаніи латинской литературы. Отъ самаго начала своей книги до конца, исключая вопроса о происхожденіи латинскаго *алфавита* (не языка!), я безъ малѣйшаго уклоненія въ сторону ищу единственно памятниковъ письменности въ періодъ царей (и только въ періодъ царей), не вдаваясь ни однимъ словомъ въ литературные вопросы. Книги Клоца я не видалъ въ глаза во все время изученія своего вопроса, и только отъ г. Благовѣщенскаго въ бытность мою весной въ С. Петербургѣ, я услышалъ, что будто въ этой книгѣ говорится о томъ же самомъ предметѣ, о которомъ говорится у меня. Доставши эту книгу въ университетской библіотекѣ, я требовалъ отъ г. Благовѣщенскаго указать мнѣ въ этой книгѣ, гдѣ есть въ ней разсужденіе объ общихъ съ моими вопросахъ. Свидѣтельствуюсь именемъ святой истины, что г. Благовѣщенскій не могъ мнѣ указать ни одного такого мѣста, а указывалъ на пелѣпый трактатъ о происхожденіи латинскаго языка отъ греческаго и еще что-то подобное, какъ будто на вопросы, о которыхъ и я разсуждаю. Впослѣдствіи сведя все, что имѣетъ въ этой книгѣ какое-либо отношеніе къ вопросамъ, мною разсматриваемымъ, я насчиталъ въ ней до 12 страницъ такого рода, гдѣ впрочемъ всего больше говорится о жреческой лѣтописи, которую я и не причисляю положительно къ памятникамъ письменности періода царей. Какъ же послѣ этого назвать человѣка, который не смотря на свой санъ и званіе, осмѣливается

утверждать вещи, завѣдомо ложныя и несуществующія? За тѣмъ г. Благовѣщенскій, что бы умалить значеніе моей книги, перечисляетъ и другія книги, въ которыхъ разсуждается объ источникахъ древнѣйшей римской исторіи, т. е. исторіи цѣлыхъ пяти столѣтій отъ основ. Рима, и при этомъ въ нѣсколькихъ словахъ, а иногда и на нѣсколькихъ страницахъ указывается на такіе памятники письменности, происхожденіе которыхъ я отношу къ періоду царей. На книги такого рода я указалъ въ своемъ предисловіи (откуда вѣроятно и узналъ о существованіи ихъ г. Благовѣщенскій), чтобы показать, что сдѣлано въ наукѣ по избранной мною темѣ. Теперь, по словамъ г. Благовѣщенскаго, оказывается, что мнѣ вовсе и писать не слѣдовало о «Римской писменности въ періодѣ царей», такъ какъ объ этомъ будтобы писано и переписано. Для невѣждъ и шарлатановъ, разумѣется, всѣ вопросы рѣшены давнымъ-давно. Но я спрашиваю г. Благовѣщенскаго: знаетъ ли онъ хоть одного ученаго, который бы до меня хоть задавалъ себѣ вопросъ о *римской письменности въ періодѣ царей*, не говорю, чтобы представилъ изслѣдованіе по этому вопросу? Онъ такого не знаетъ, ибо послѣ всѣхъ разсужденій о разработанности этого вопроса все-таки говоритъ слѣдующее: «*Правда, до сихъ поръ никто еще, за исключеніемъ г. Модестова, не отважился приступить къ монографическому изложенію означеннаго вопроса*» (стр. 660) и далѣе: «*Лучшіе знатоки римской литературной старины, безъ сомнѣнія, чувствуютъ, что обширность и глубина означеннаго вопроса далеко превышаютъ ихъ силы* и т. д. Къ чему же было все предыдущее разсужденіе о крайней разработанности вопроса? Совсѣмъ запутался человѣкъ.

Было бы однако слишкомъ утомительно для читателей, если-бы я прослѣдилъ до конца основательность и добросовѣстность

рецензіи г. Благовѣщенскаго. Духъ и характеръ ея уже выяснились въ достаточной степени, и потому я ограничусь прибавленіемъ только нѣсколькихъ замѣчаній. Г. Благовѣщенскій между прочимъ съ свойственною ему любовію къ истинѣ замѣчаетъ (стр. 666): «Оказывается, что г. Модестовъ вовсе не имѣлъ въ виду сборниковъ латинскихъ надписей, изданныхъ Моммзеномъ и Ричлемъ». Какое право имѣлъ мой критикъ говорить это, когда я привожу сборникъ Ричля *одиннадцать* разъ, а сборникъ Моммзена не менѣе *двынадцати* разъ? Чтобы утверждать это г. Благовѣщенскому достаточно было одного сдѣланнаго мною въ выноскѣ замѣчанія по поводу гимна братьевъ Арвальскихъ, что *во время печатанія* своей книги, я уже не имѣлъ подъ руками сборника Ричля. Этимъ я хотѣлъ сказать, что мнѣ еще разъ не удалось сличить Марини съ Ричлемъ. Дѣло въ томъ, что сочиненіе мое писано въ Одессѣ и частію въ Гейдельбергѣ, куда я ѣздилъ нарочно для работы въ тамошней библіотекѣ; печатано же въ Казани, гдѣ сборника Ричля, по моемъ пріѣздѣ туда, не было (теперь уже есть). Лѣтомъ я напечаталъ нѣсколько дополненій и исправленій къ своей книгѣ и разослалъ ихъ, какъ книгопродавцамъ, такъ и нѣкоторымъ ученымъ, въ томъ числѣ и г. Благовѣщенскому, хотя онъ въ своей рецензіи не упоминаетъ о нихъ. Въ этихъ дополненіяхъ я замѣчалъ, что Марини не представляетъ никакой разницы съ Ричлемъ, въ чемъ признается и самъ Ричль (р. 29—30). Но что сказать о сожалѣніи г. Благовѣщенскаго, что будто я незнакомъ съ Миллеровымъ изданіемъ Феста и Павла Дьякона, когда я привожу мѣста этихъ авторовъ по этому изданію съ точнѣйшимъ обозначеніемъ страницы изданія *ровно сорокъ семь разъ?* Какъ не вспомнить восклицанія Чацкаго: «Ты ври, да знай же мѣру»!

Но г. Благовѣщенскій знать не хочетъ никакой мѣры. Онъ взводитъ небылицы не только на меня, но даже и на памятники латинскихъ надписей. Такъ. нападая на меня (стр. 667) за то, что я указываю на несостоятельность чтенія Моммзена въ гимнѣ братьевъ Арвальскихъ, именно въ словѣ Iuerve, которое Моммзенъ раздѣляетъ на два слова Iue rue, мой критикъ заявляетъ, что будто эти слова въ «лапидарномъ памятникѣ *очень ясно раздѣлены точкой*»; между тѣмъ на самомъ дѣлѣ въ «лапидарномъ памятникѣ» не только ясной, но и совершенно никакой точки въ этомъ мѣстѣ нѣтъ (см. Ричля таб. XXXVI). Ужъ не во снѣ ли видѣлъ эту точку г. Благовѣщенскій?

А знаетъ ли читатель, какъ силенъ г. Благовѣщенскій въ латинской грамматикѣ? При объясненіи того же гимна я на стр. 128 своей книги между прочимъ замѣчаю, что *fu* есть повелит. накл. отъ глагола *fuo*. На это г. Благовѣщенскій восклицаетъ: «что это за повелительное fu отъ *небывалаго* глагола fuo»? Такъ вы, ординарный профессоръ римской словесности, не знаете глагола *fuo*, который приводится во всѣхъ грамматикахъ и лексиконахъ, отъ котораго въ спряженіи sum происходятъ формы fui, fueram, fuero, futurus и т. д., и отъ котораго у Плавта, Теренція, Лукреція и Виргилія сохранились формы fuam, fuas, fuat и т. п.? Поздравляю! Лѣтъ десять тому назадъ, въ Москвѣ была поднята шумная исторія изъ-за употребленія профессоромъ римскаго права совершенно правильнаго, но не употребительнаго выраженія *ordo equestris*: какой же гвалтъ должны были бы поднять москвичи, если бы у нихъ профессоръ римской словесности оказался неумѣющимъ спрягать глагола *fuo* и не знающимъ откуда въ спряженіи sum явились формы: fui, fueram и т. д.? Счастливъ г. Благовѣщенскій, что не въ Москвѣ преподаетъ свою латинскую науку!

В. Модестовъ.